

КОНСТАНТИНЪ СОМОВЪ.¹

„Послѣ двухъ часовъ ночи маски
обязательно снять”.
Изъ распоряженій старшинъ клуба.

[151]

1

Въ прошломъ году С. П. Дягилева, устроившаго прекрасную выставку портретовъ въ Таврическомъ дворцѣ, московскіе художники чествовали ужиномъ. Отвѣчая на привѣтствія, Дягилевъ обронилъ знаменательную фразу:

— Господа, быть въ Россіи умерь.

Звучало это приблизительно какъ:

— Великій панъ умерь!

Быть въ Россіи заболѣлъ смертельной горячкой въ 1854—55 гг- во времена крымской кампаніи. Изнуренный простудой, схваченной на берегу Чернаго моря, организмъ проявилъ лихорадочную дѣятельность: шестидесятые годы. Усиленная пульсація иногда походила на бредъ: Писаревъ—отрицаніе Пушкина.

Ножъ надъ бытомъ былъ занесенъ 19 февраля 1861 года. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ” – это первая панихида по быту.

Къ тому времени расцвѣтали наиболѣе яркіе цвѣты реализма: Тургеневъ, Гончаровъ, поспѣшаль Григоровичъ. Типичный бытовикъ Островскій нѣсколько запоздалъ, дожидаясь, пока окончательно затвердѣетъ (и, слѣдовательно, приблизится къ смерти) бытовая психологія. И, высшій гребень волны, Достоевскій и Толстой уже маячили вдали странными огнями.

Существуетъ мысль: вершины искусства совпадаютъ по времени съ низинами политическаго и экономическаго благоденствія страны. Такъ случилось съ Россіей; здѣсь реализмъ творчества дѣйствительно совпалъ съ наиболѣе законченными (мертвѣющими) формами жизни—бытомъ.

¹ О. Дымовъ, «Константинъ Сомовъ», *Золотое руно*, 1906, №7-8-9, 151-3.

Быть умерь. Въ прошломъ 1905 году со стѣнъ Таврическаго дворца глядѣли портреты бытовой Россіи. Мертвецы собрались; старая Россія послѣдній разъ оглянулась на заль, гдѣ когда-то гремѣла музыка жизни. Дягилевъ ничего не зналъ, но поистинѣ странный рокъ вель его... Въ нынѣшнемъ году въ стѣнахъ того же дворца собрались первыя лица молодой Россіи. Завершился кругъ времянь. Исчезли навѣки тѣни угасшаго.

Быть умерь. Умерли люди, но живы предметы. Стоять старыя усадьбы, обвѣваетъ ихъ вѣтеръ, въ паркахъ живутъ еще обстриженныя деревья, у прудовъ, у тихихъ прудовъ размѣстились, незамѣтно разрушаясь, старыя скамы — безмолвные свидѣтели угасшей любви. И печальный закатъ надвинулся.

Атрибуты умершаго быта доживаютъ свой вѣкъ. Изъ домовъ, изъ всѣхъ оконъ, изъ-за ограды заросшихъ садовъ уползла жизнь. Осталась одна форма, медленно и неотвратимо разваливающаяся. Человѣкъ умерь—не погребено платье. Маска времени брошена на поверхность земли. Жизнь, просочившаяся сквозь предметы и явленія, какъ вода сквозь прорванную плотину—творитъ новыя формы и въ нихъ одѣнется. Думаешь: Время слиняло, какъ змѣя къ веснѣ, и старая кожа, тонкая и блестящая, лежитъ между камнями.

Трупы на поверхности земли. О мертвыхъ говорятъ только хорошее. О мертвыхъ плачутъ. Слезы туманомъ клубятся надъ могилами. Широкошубныя дубравы, куда бѣжалъ поэтъ, заброшены, пусты; поэтъ умерь, убитъ на дуэли, явленіи стараго быта. „Здѣсь было такое настроеніе, что садись и балладу пиши” — говоритъ Чеховъ (по Мережковскому — послѣдній пѣвецъ быта) про старый барскій садъ („Черный монахъ”). И вотъ „баллада”: рождается романтизмъ.

На смѣнѣ эпохъ романтизмъ возникаетъ, какъ неизбѣжная надгробная

пѣснь. „Въ сороковой день кончины будетъ отслужена...” какъ анонсируютъ газеты. Именно въ сороковой. Первая острота печали уже миновала. Высохли слезы. И черный креплъ траурнаго платья отгѣняетъ блѣдную краску печально-прекраснаго лица. Въ сороковой день странное и глубокое предчувствіе умиротворенія охватываетъ душу. Глаза, обращенные назадъ, видятъ одно только хорошее, только красоту. Остальное пропадаетъ, исчезаетъ.

Романтическое искусство, какъ грустная пѣсня увядшей красотѣ, проникаетъ въ жизнь.

3

На смѣнѣ эпохъ, когда рухнулъ XIX вѣкъ и для Россіи кровавымъ заревомъ занялся XX, Константинъ Андреевичъ

[152]

Сомовъ явился въ сороковой день служить странную панихиду по усопшемъ бытѣ. „Среди присутствующихъ мы замѣтили К. А. Сомова...” сообщили художественные критики.

Панихида эта порою походить на черную мессу—черную мессу затаеннаго кощунства. „Бѣдный Уорикъ”—говоритъ художникъ, разсматривая черепъ и вдругъ кривитъ губы: „А! старый кротъ, ты здѣсь”. Мусатовъ свѣтель, Мусатовъ не знаетъ этихъ тонкихъ гримасъ; словно онъ свою жизнь вливалъ въ тѣни угасшей жизни, передавалъ свой билетъ, полученный отъ „Бога”. Передалъ и ушелъ. Оттого такъ рано ушелъ. Сомовъ никому ничего не передаетъ. На пиршествѣ жизни онъ хочетъ остаться до самаго конца, до послѣдняго сладострастнаго содраганія, когда начнутъ тушить свѣчи и завѣсятъ окна. Сомовъ здоровъ, его ждетъ спокойная долгая старость.

Мусатовъ вошелъ въ старый паркъ и вмѣстѣ съ нимъ „погрузился въ тѣнь”. Уже не вышелъ, потому что всѣ ворота были крѣпко заперты. Сомовъ приходитъ и уходитъ.

Въ опустѣвшія усадьбы, въ дома и сады, откуда навѣки отлучились прежніе хозяева, навѣдывается Сомовъ. Для этого онъ выбираетъ тихій закатный вечеръ („Въ сумеркахъ”) ясный зимній день („Зимою”), лѣтнее утро („Эхо прошедшаго времени”); никогда не въ дождь, не въ слякоть,—потому что онъ сибаритъ. Онъ не рассказываетъ о своемъ пути, говоритъ только о достигнутой цѣли. Здѣсь онъ въ своихъ заповѣданныхъ уголкахъ; жизнь, гдѣ Дурново и Аладьинъ, забыта, не существуетъ болѣе.

И здѣсь Сомовъ колдуетъ, занимается чернокнижіемъ. Начинаются двигаться марионетки. Оживаетъ маска Времени. Женскія фигуры воскресаютъ подъ деревьями — а можетъ быть это куклы? Возвращается прежнее солнце — а можетъ быть это брызги далекаго фейерверка?

4

Можетъ быть, куклы вмѣсто людей. Тревожишься. Не довѣряешь. Аксаковъ пишетъ: мнѣ случилось вскочить въ лѣсу на поваленный бурей древесный гигантъ и провалиться до самой земли: дерево было гнило насквозь. Одна оболочка.

Странная тревога разлита въ работахъ Сомова. Все тревожно, все необычно. Смутный голось предостерегаетъ: нѣтъ, это не жизнь! Бѣлый ужасъ, ужасъ дня, когда чуешь обманы и столпившіеся кошмары жизни, охватываетъ душу. Боишься ступить, чтобы не провалиться. Хочется крикнуть:

— Прекрасная маска, я тебя знаю!

Сквозь разрѣзы маски, оставленные для глазъ, глядитъ холодная мертвенная пустота, страшное Ничего. За просвѣтами деревьевъ, гдѣ обычно ждешь голубыхъ клочковъ неба— та же суровая неподвижная Бездна. Фонтаны не журчатъ, флейта нѣма—развѣ вы ихъ слышите? Лучи солнца застыли, ничего не несутъ съ собой, не свѣтятъ и не грѣютъ. Въ окна зимою, поддѣлавшись подъ бѣлый цвѣтъ снѣга, глядитъ нагло все тотъ же бѣлый ужасъ, пустота. Оттого страшно. Жизни нѣтъ—одна форма, любви нѣтъ—однѣ ноты (вспомните

фарфоровую статуэтку!). Чувства давно умерли, ушли—ушли въ теперешнее наше время Дурново-Аладьина.

На выставкѣ „Міра Искусства” была работа М. Добужинскаго „Человѣкъ въ маскѣ”²; это Новый годъ, новонарождающееся время. Полусвалилась маска съ головы, и тамъ оказался страшный черепъ, смерть, небытіе. Добужинскій снялъ маску, Сомовъ ее надѣваетъ. Но подъ маской все тотъ же скелеть еще неразложившихся формъ.

— Прекрасная маска, я тебя знаю!

5

Странныя гримасы въ творчествѣ Сомова. Его грусть, его лирика близки ужимкамъ Бирдслея. Говорять объ ироніи Сомова. Она многихъ заставляетъ задумываться. Что это? Насмѣшка надъ смертью? Беззаботность ли здороваго организма? Или горькій смѣхъ обманутаго сына надъ промотавшимся отдомъ?

Странная улыбка эта и дѣлаетъ его мессы черными, а твореніямъ придаетъ какъ бы отгѣнокъ кощунственности.

Еще объ одной мысли, долгой, нудной, своеобразно окрашенной, непрерывно напоминаетъ Сомовъ.

На кладбищѣ, гдѣ мирно успокоился быть, онъ полунасмѣшливымъ, лѣнивымъ голосомъ размышляетъ вслухъ:

— „Смотрите вы, люди, сами вѣнчавшіе себя на тронъ міра, забавные самозванцы. Ваша жизнь ничтожна и коротка— кустъ въ саду вашемъ долговѣчнѣе. Никто не оплакиваетъ васъ, вы никому не были нужны, пришли и ушли—ваше имя уже забыто: „дама въ голубомъ”, и никто, никогда не вспомнить его. Умирая вамъ казалось, что съ вами умираетъ вся вселенная, но даже флейта, на которой вы играли, уцѣлѣла,—лишь слегка

² Воспроизведенъ журналомъ „Жупель”. О.Д.

пожелтѣла.

„Ваше тѣло — пыль и прахъ, непрочнѣйшая ткань: дерево, стекла въ окнахъ прочнѣе. Дворянскіе роды ваши

[153]

угасли, но живы липы и клены и старые флигеля. Угасли ваши мечты, и никому невѣдомо ваше горе, но вотъ платья ваши, голубыя и лиловыя тряпки остались и перешли въ чьи-то чужія руки.

„Ваша любовь, которой вы гордились, которую несли къ милымъ ногамъ—не болѣе какъ миллионная копія утеряннаго оригинала; вы полагали, что единственная въ своей страсти, но позы въ минуты нѣжныхъ признаній—это бессознательно повторенный жестъ длиннаго ряда предковъ, затверженная техника.

„Время царитъ надъ вами всѣми, отмечаетъ однихъ, создаетъ новыхъ. Прошлое заковало васъ въ кандалы привычныхъ словъ, затверженныхъ жестовъ, неизмѣнно повторяемыхъ чувствъ. Будущее равнодушно смело васъ, вы отыграли вашу роль и ушли безъ аплодисментовъ”.

Смѣшные самозванцы, люди, сами вѣнчавшіе себя на царство міра!..

6

Иронія Сомова имѣетъ еще и другой смыслъ: это разстояніе между авторомъ и изображаемымъ.

Они въ разныхъ мірахъ, въ разныхъ моментахъ колеса Времени. Это особый видъ перспективы, издали предметы и цвѣта кажутся совершенно иными. Издали мѣняютъ свою фізіономію цѣлыя эпохи, міры; это не смѣхъ, не смѣшное—только повернувшаяся стрѣлка часовъ.

Будущіе посѣтители Третьяковской галлерей скажутъ, любуясь Сомовымъ:

— Это писано не современникомъ. Это не наблюденіе, а

художественная „реставрація”. „Дама въ голубомъ” жила за столько-то лѣтъ до 1869 года—года рожденія Сомова. Столько-то лѣтъ прошло между ея эпохой и эпохой художника.

И скажетъ, не справляясь съ датами, а единственно улавливая иронию, разлитую въ картинѣ. Иронія—это обратная сторона тревоги Сомова, ея дополненіе. Это тотъ выходъ изъ заколдованнаго парка, „погружающагося въ тѣнь”, который извѣстенъ Сомову и былъ скрытъ отъ Мусатова.

Тревога Сомова пустота, бѣлый ужасъ говорить: „жизни здѣсь нѣтъ, была и исчезла, просочилась куда-то”; иронія добавляетъ: да, жизни здѣсь нѣтъ. Она тамъ, въ кровавыхъ заревахъ XX вѣка, въ Аладьинѣ, во мнѣ, Константинѣ Андреевичѣ... „Тревога констатируетъ отсутствіе жизни, иронія говоритъ о ея присутствіи въ другомъ мѣстѣ; она датируетъ полотна, опредѣляетъ ихъ мѣста и связываетъ съ движеніемъ вѣчно текущей жизни.

7

Что же? „Декадентъ” Сомовъ оказывается здоровымъ жизненнымъ отпрыскомъ зеленѣющаго дуба. Глубокіе корни связываютъ художника съ его родной почвой. Это своеобразное органическое дарованіе, цвѣтокъ русскаго чернозема; Въ его своеобразности — его органическое. Органическое всегда своеобразно, не похоже на прежнее, на внѣшній взглядъ уродливо. У Сомова свое опредѣленное, имъ прочно завоеванное мѣсто въ ступеняхъ художественной мысли. У него родственныя крѣпкія связи съ выдающимися силами не только въ области кисти, но и пера (Чеховъ) и музыки (Чайковскій, Римскій-Корсаковъ).

— Прекрасная маска,—говоритъ „декаденту” Сомову Искусство,—я тебя знаю: ты кость отъ кости, плоть отъ плотй моей.

И скажетъ на зарѣ—послѣ двухъ часовъ ночи—такъ же другимъ
„декадентамъ”.

О с и п ѣ Д ы м о в ѣ.